

Александр Лекомцев

Из вчерашнего века

рассказы о старых
временах

16+

Александр Лекомцев
Из вчерашнего века

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лекомцев А. Н.

Из вчерашнего века / А. Н. Лекомцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

В этой книге автор попытался отобразить настроение, характер в целом и жизнь людей Советского Союза не такого уж и давнего минувшего, двадцатого века. В основном, здесь семидесятые годы. Какими были они, молодые и не очень, граждане без преувеличения Великой страны? Они, разумеется, кажутся наивными и чересчур прямолинейными. Но ничего не поделаешь, такими они и были, положительными и... отрицательными. Важно ведь понять, что сегодня нами потеряно, а что, возможно, и... приобретено.

Самородок

Прямо на травяном поле, под селом Черный ручей, тигр задрал двух коров. Одной бурёнке лапой вырвал хребет и так, что местами из лопнувшей кожи торчали прутьями поломанные рёбра. Вторую придушил, оставив её без задних ног. Участковый уполномоченный, капитан милиции Макар Устинович Гнямов, от гнева вращал глазами и говорил:

– Ну, если встречу эту кошку полосатую, то никак не пожалею! Лично пристрелю!

Прямо сейчас пойду и найду...

Бабы сдержанно плакали в платки, а Нестерику от горя пошатывало. Оттого она и присела на ствол поваленного дерева, сиротливо когда-то стоявшего в поле, и жалела всем сердцем не просто убитую, но ещё и страшно искалеченную, изуродованную, свою корову Милку.

Охотники тоже молчали, слушая, как свирепствует их многоуважаемый милиционер. А что тут ещё скажешь?

– Слышь, Устиныч, уймись! – От кого Макар не ожидал услышать, так это от Нестерики, – успокойся, говорю! Сам знаешь, что зверь серьёзно и основательно законом охраняется. Коров-то у нас вон сколько, а полосатых кошек этих в уссурийской тайге чуть больше сотни.

– Я просто так говорю, – признался капитан милиции Гнямов, – злобу сорвать. А законы я сам знаю. Власть наша такую утрату... завсегда оплатит. Как обычно.

Он улыбнулся натянуто, пытаясь сделать вид, что ему уже почти весело. И некоторым мужикам «веселость» его передалась. У многих на лицах читалась такая мысль: «Что там коровы, когда у нас почти прямо по селу тигры разгуливают. Это же прямая невидаль для тех же москвичей».

– Братцы, – обратился участковый уполномоченный к промысловикам и охотникам, не трогайте вы тигра, прошу вас! Редкая ведь зверина. Уникальная. А не то ведь такой штраф за него получите, что грустно дальше и жить станет...

Почти все кивали в знак согласия головами, соглашаясь с доводами Гнямова. Действительно, кошка эта полосатая в сто раз, а то и более, ценней самой породистой коровы.

Только у корневщика Васильева, завязтого и довольно удачливого сборщика корня женьшеня, щуплого старика с коричневой куцей бородёнкой, зеленовато-серые глаза лукавили. На лице Васильева, почему-то, было написано, что именно он втихаря и завалит тигра. Поэтому ему Макар Устинович фактически официально ему заявил:

– Вы мне, товарищ Васильев, это бросьте, выражение своего лица с каким-то странным... намёком делать! Что со зверем случится, так лично с вас и спрошу.

– А если заворот кишок или дизентерия у него произойдёт, – пошутил сборщик женьшеня, – тогда что?

– Всё равно, спрошу, – как бы, не понимая или не принимая иронии старика, ответил ему участковый, – только так.

Сделав предупреждение Васильеву, капитан милиции Гнямов направился по дороге к селу.

У Васильева среди здешнего народа имелось устойчивое прозвище – Самородок. Гадать трудно, с каких пор его так величать стали, но то, что он, на самом деле был мужиком толковым, деловым, оспаривать из односельчан никто не стал бы. Кроме всего прочего, он корневщик классный и охотник удачливый. Зла никому и никогда не творил и не желал, а добра делал предостаточно. Все помнят, как он приютил у себя в доме телятницу Наташку с ребёнком, когда та бежала, невесть куда, от пьяного разбушевавшегося мужа. Чего только не бывает в семье. Да и деньгами Васильев безвозмездно помогал тем, кто в них, в силу обстоятельств, нуждался. Ведь, что там греха таить, как правило, сборщики женьшеня – люди далеко не бедные.

А главное, считали многие, душа у него – чистый, прозрачный таёжный родник. Пусть порой отдаёт от неё холодком, но зато она вся на виду. Оттого-то Макар Устинович, глянув на Самородка, тут же и смекнул, что на уме старика что-то не совсем ладное. Потому и страшать стал ни кого иного, а Самородка. Хотя глубоко сомневался в том, что Васильев готовится убить тигра. Впрочем, кто его знает, может старик коров пожалел, а тигра на почве их убийства невзлюбил. Нельзя ведь быть добрым абсолютно ко всем людям и зверям, не получается так. Все ведь – существа разные. А закон ведь в тайге один даже для самых добрых и отзывчивых людей: если навредил, то и отвечай за содеянное по полной программе.

Думая про всё это, шёл себе Самородок таёжной тропой по свежим тигриным следам, возможно, готовясь совершить задуманное убийство, никак не считая это преступлением. Всячески он ругал коровьих душ губителя, чувствуя, что остывает помаленьку его злость к тигру. Почти канула она куда-то, скорей всего, в самую глубину его собственной души.

– Что же ты за червяк-человек, Даниил Тимофеевич, – ругал он вслух себя. – Чувствительный... под старость лет стал, жалостливый какой-то. Как баба, ядрёна мать! Расчувствовался. Жалко ему тигра стало, видишь ли. А этой кошке не жаль было живую тварь губить? Задавил бы одну корову, ещё ладно. А зачем двух-то? Просто так, из баловства, получается.

Подзадоривал он себя всячески, чтобы мужиком себя чувствовать, в конечном счёте, и всякие там жалостливые мысли гнал взашей. Совсем не беспокоили его угрозы участкового, Самородок не наивен и не глуп. Это «полосатый матрас» он приговорит, что называется, в самое удобное время, и так запрячет в тайге, что ни одна милиция не найдёт. А с собой у него, на всякий случай, не только пятизарядный карабин, но и небольшой рюкзак с сухим пайком.

Тигриные следы были почти свежие, хотя и слабо, едва и кое-где отпечатанные. Они то пересекали охотничью тропу, то уходили в кустарник. Приостановившись, сорвал с высокой лозы-лианы довольно зрелую гроздь винограда. Пожевал чёрные, с лёгким синим налётом, ягоды. Оставшуюся их часть положил в глубокий карман штормовки. Потом опустился на колени, «читая» знаки, оставленные хищником.

– Никак баба, тигрица, – изумился Самородок. – Ух, ты, девка-разбойница!

Улыбнувшись себе в бородёнку, он с левой стороны, заросшей лианами лимонника и актинидией, стал обходить сопку, так, чтобы зверь, находящийся уже поблизости, не смог учуять присутствие человека. Лёгкий, едва уловимый ветер дул с той стороны, где должна была и находиться тигрица.

Осторожно щёлкнув затвором карабина, проверив, на месте ли патроны, Самородок пополз на бугор, придавливая животом жёсткие лапы орляка, который, почему-то, ошибочно называют папоротником. Ну, и не важно, главное, что он съедобный и полезный для человеческого здоровья. Он вспугнул не только целую компанию самых разных козляков и букашек, но и двух маленьких змей медянок. Очень опасные и ядовитые твари, несмотря на свой малый размер. Их тут всегда много. Да и не только их, а всяких и разных.

Внезапно перед ним на поляне предстало интересное зрелище, и оно его заворжило и, можно сказать, очаровало. Два маленьких жёлтых тигрёнка барахтались на мягкой и не такой уж и редкой траве, под названием «заячья капуста». Они резвились, как обычные домашние котята или щенята.

Поодаль, прижимаясь к огромному валуну, сидела их мамаша. Не отрывая от детёнышей глаз, она, то и дело, зевала. В стороне валялась одна чисто обглоданная кость, говорящая о том, что здесь недавно был небольшой завтрак. А вторая была ещё не съедена зверями, только начата. Потом ещё поедят... Теперь у тигриной семьи происходил короткий отдых.

«Что ж это так, – мысленно обратился Самородок к тигрице, – двух-то коров задрала? Вам-то и одной было бы много. Эх, ты...».

Увиденная семейная идиллия окончательно убедила Васильева в том, что стрелять по тигрице и тигрятам не стоит. В противном случае, не по-человечески получится, не чисто-

плотно, жестоко. Он ещё немного понаблюдал за этим зрелищем, улыбаясь себе в бородёнку, похмыкал и сполз с бугра вниз.

Внезапно ему захотелось закурить, что он делал не так и часто. Но тут особый случай, у Самородка вдруг в душе возникло уважение к самому себе. Он ведь был пусть малой, но частью природы, в данном случае, тайги, которую знал и понимал с малых лет. Васильев поле в карман штормовки за портсигаром, и спичками, в котором лежало с десятков папирос «Север». Но здесь, недалеко, от места обитания тигров, курить не стал, хоть и знал, что ветер дует в его сторону. Да и он находился за бугром.

Он осторожно поднялся, встал на ноги и спустился на тропу. А там уж задымил... всласть. Тут, вдалеке от семейства больших кошек, можно было не только курить, но громко разговаривать. А на бугре следовало быть осторожней. Зачем зверей злить или пугать? Увидит тигрица человека, мать своих малых детёнышей и скажет им: «Ну, детки, пришёл на нашу погибель Даниил Тимофеевич Васильев. Он-то не промахнётся, стреляя в нас из своего карабина. Теперь нам... конец!».

– Ага, – ухмыльнулся Самородок, вдыхая дым слегка папиросы, – вот совсем и не конец. Не такой уж жестокий и непонятливый Даниил. Грамотный он и понимающий».

Разговаривая сам с собой, вышел Самородок на большую тропу и там носом к носу встретился, столкнулся с капитаном милиции Гнямовым, у которого от внезапной встречи с Васильевым и быстрой ходьбы перехватило дух.

– Убил, всё-таки, тигра, да? – Впервые в жизни Макар Устинович обратился к Самородку на «ты». – Отвечай, Васильев!

– Это что же такое получается? – Спокойно начал растягивать слова добытчик женьшеня. – У тебя телепатия такая, что ли? Не знаешь, убил ли я зверя, а утверждаешь, что, всё же, порешил, кончил.

– Ты мне про телепатию мозги не кипяти, Даниил Тимофеевич. Эта самая телепатия Агафья Смыкина, заведующая столовой... Она видела, как ты в тайгу входил с карабином, при оружии, значит. Благо, она свою козу искать ходила... Вот на тебя и обратила пристальное внимание.

– А ты, Гнямов, про дела такие не болтай, коль ничего не ведаешь. Не убил я зверя. Так надо мне было.

– Не нашли, значит, вы его? – Заговорил уже вежливей участковый уполномоченный, – не нашли?

– Ошибаешься. Мы его нашли вместе с моим карабином, – передразнил капитана милиции Самородок. – А вот убивать не стали, и все дела.

Надо сказать, что Макар Устинович сообщению Васильева уже внутренне, как-то, поверил, но, правда, не до конца. Потому он и предложил Васильеву пройти до того самого места, откуда он наблюдал за тигрицей и тигрятами. Заодно Гнямов не без гордости сообщил, что амурский тигр, гораздо крупней своих собратьев, бенгальского, тамильского и других. Разумеется, и африканский лев, намного меньше тигра и по размеру, и по весу.

– Это мне ведомо, – сказал Васильев. – Не всегда ведь стреляю, иногда и книжки умные читаю. Ещё знаю, что наш тигр может запросто запрыгнуть, к примеру, на высоту второго этажа, причём в зубах с коровой или быком.

– Ничего себе! А я этого не знал.

– Вот почему меня удивляет и обижает то, что наш зверь убил сразу двух коров, а унёс с собой меньше половины туши. Не по-человечески такое, то есть не по-зверски даже. Но у тигров, к моей обиде на них, такое случается. Ничего не поделаешь.

– Вы настоящий охотник, Даниил Тимофеевич, грамотный, добрый и умный человек.

– Ну, что я разве без тебя этого не знаю, товарищ капитан. Я ведь в молодости и ветеринарный техникум закончил. Можно было и в институт поступить, да передумал... Делом занялся.

Они тихонько стали вползать на бугор. Гнямов с большим удовольствием смотрел на тигриную семью, улыбался.

Тигрица вдруг насторожилась и подняла нос к ветру и начала осторожно красться в противоположную сторону от людей, с ветреной стороны что-то почуяла. Но, может быть, и слегка подвёл её звериный инстинкт. Опасность почувствовала, но пока не сообразила, откуда она исходит.

– Теперь если сейчас же не сползем вниз с бугра, придётся её тогда точно порешить, - доверительно сообщил милиционеру Самородок. – А если защищаться не будем, то нам – хана... Она ведь с детьми. Ведь хитрая зверина, вперёд нас забежать сможет и трижды незаметно тропу пересечь. Правда, уже на ней нас она не тронет. Тигры шибко собачье мясо уважают...

– Поползли, – прошептал Устинович. – Нам таких неприятностей не надо.

Торопливо сползли вниз. Потом в быстром темпе отошли подальше от опасного места. И уже почти перед самым селом Самородок сообщил, что у него почему-то сохнет во рту. Видать, от волнения и некоторого страха. Не без него ведь.

– И что, терпеть не можешь? – По-дружески, с участием спросил Макар Устинович. – Сейчас родничок встретим. Я знаю, где он находится. Сейчас я его найду.

– А чего его искать? – Самородок махнул рукой в сторону оврага. – Вон же он, под самым носом! Другой жидкостью в данном случае горло смачивать надобно. Да ведь сегодня и суббота... Не грех.

– Я ведь с собой, Даниил Тимофеевич, водку никогда не ношу. Я за тобой чуть ли ни в одних кальсонах побежал, а ты мне «горло сохнет».

– Голова садовая, – урезонил Васильев человека, который стал ему даже, в какой-то степени, почти родным и близким. – У меня не только нож висит на поясе, но и рюкзак за плечами.

– Ну и что?

– А в нём располагается литровая фляжка. А в ней – чистый спирт. Немного, конечно, но нам хватит. Даже стаканчик имеется и кое-какая закуска. Знаешь, как чистый спирт пить?

– Знаю. Надо сделать вдох, но только не выдох, чтобы не обжечься.

– Верно. Как ты сказал, Устинович, так и есть.

Они устроились рядом с оврагом, перед ключом. Самородок прямо на газете нарезал хлеба, колбасы, открыл консервную банку со свиной тушёнкой... Налил в стаканчик немного спирта, протянул его Гнямову.

– Выпьем за то, – предложил Макар Устинович, – чтобы не распалась тигриная семья.

– Верно, – согласился с ним Васильев, – за это стоит выпить.

Повторив эту процедуру, по-очереди, пару раз, они собрали остатки продуктов, не забыли ещё почти что полную флягу, упаковали всё это в рюкзак. Встали на ноги. Но тут, как бы, между прочим, капитан милиции спросил у старика:

– А что, отец, когда ты по следу тигрицы отправился, была ли у тебя мысль убить её.

– Поначалу была, – признался Самородок. – Я и харчей с собой побольше взял. Думал, что зверь не так близко, а он почти под самым селом оказался.

Но крепко подумав, Васильев сказал, что, в общем-то, не убивать он тигрицу шёл, а посмотреть, что и как. Вроде, получилось.

Сладок утренний сон

Глаза у Илюши слипались, подниматься с постели не хотелось. Утра, по-существу, ещё не было, всего лишь, едва пробуждался робкий серый рассвет. Это всё вырисовывалось в окнах не большого, но добротного крестьянского дома. Старик Баранов, осмотрщик на таёжной бамовской станции, куда приехал погостить Илья, терпеливо ждал пробуждения мальчика. Когда тот окончательно проснулся, Баранов улыбнулся в свои седые усы и сказал:

– Понимаю, утренний сон сладок. Вставать с лежанки трудно в такую рань, да ещё в первый раз в жизни.

Мальчик отбросил одеяло, поспешно умылся из рукомойника, висящего прямо в горнице. Завтракать не стал. Начал одеваться. Но одежда не слушалась его, никак не мог попасть в рукава куртки.

– Удочки и продукты я приготовил, взял с собой, – полушёпотом сообщил Баранов. – На воздухе, на природе у людей всегда хороший аппетит. А ты вон в ту фляжку, что на полке лежит, кваску ещё набери. Чаю налил я уже в большой термос. Всё, одним словом, нормально.

Илья так и сделал. Бросил наполненную алюминиевую фляжку в свой полупустой рюкзачок.

Выходили из избы тихо, чтобы не разбудить жену Баранова Василису Авдеевну и внучку Ларису. Она была двоюродной сестрой Ильи, тоже одиннадцатилетняя. Приехала в гости к деду с бабушкой из Хабаровска. Илья и Лариса даже живут в краевом центре на одной улице, только учатся в разных школах. А высотные дома, в которых обитают, стоят почти рядом. Иногда они заходят друг к другу в гости.

Лариска перевернулась с одного боку на другой и захныкала:

– Дедушка, а меня с собой возьмёшь? Я тоже хочу на рыбалку!

Из соседней комнаты вышла в халате Василиса Авдеевна и кивнула головой. Это означало, что она разрешает идти удить рыбу и внучке. А дед уж за ними будет смотреть во все глаза, Главное, чтобы купались и плавали на мелководе и под его присмотром.

– Ну что с тобой делать? – Нарочно с недовольством проворчал Баранов. – Мы тебя подождём на улице. Одевайся.

Он закурил, попуская вперёд внука, затворяя за собой скрипучую входную дверь. Старик вцепился глазами в серую, едва алеющую кромку над горизонтом, собираясь, как будто, встречать появление солнца, именно, здесь, во дворе.

Илюша сосредоточенно извлекал из ткани куртки острие рыболовного крючка, которое случайно зацепилось там жалом ещё вчера, когда он заранее готовился к ужину рыбы. Лариску долго ждать не пришлось, и они сразу пошли через железнодорожное полотно, в сторону озера.

– Дедушка, а тебе совсем не хочется спать? – Удивилась внучка, забегающая по тропе вперёд. – Совсем, совсем...

Её короткие резиновые сапоги были влажны от утренней росы потому, что она часто шла рядом с узкой стёжки.

– Я привык перед рассветом просыпаться, – просто сказал обходчик, – с молодости у меня это, с восемнадцати лет.

Что сейчас вспомнилось человеку, рано встречающему солнце. Железнодорожник, осмотрщик вагонов, выявляющий поломки подвижного состава... Надо вовремя их заметить, сообщить об этом вышестоящему начальству и, если есть возможность, устранить самому. Но просыпаться рано он стал с давних, военных лет. На всю жизнь запомнит 22 июня 1941 года, бомбардировка советских городов ранним утром. Киев оказался в числе самых первых жертв. Фашистская Германия напала на Советский Союз вероломно, без объявления войны... Что снилось тогда ему перед этим зловещим кошмаром, великим, неслыханным проявлением подлости Германии и многих европейских стран, которые встали на сторону нацизма.

Видел сон студент-филолог, как едет на каникулы на Дальний Восток, домой, к матушке. Утренний сон был сладок. Просыпаться не хотелось. Но его заставила открыть глаза бомба, прошившая пять этажей. Проснулся, а соседней комнат совсем нет. Там, где спокойно дремала его родная тётка Мила, у которой жил студент, зиял чёрный колодец. Лишь на обожжённой стене остались висеть часы-ходики, как бы, утверждая, что время не тленно, что оно, как раз, и рассудит, на чьей стороне правда и предстоящий праздник.

– С тех пор ты и встаёшь рано? – По-мужски, серьёзно спросил деда Илья. – Не спится?

Мальчик нёс своё удилище, сделанное из ствола ивы, горизонтально над землёй. Опасался, чтобы оно не зацепилось за ветки деревьев.

– Вообще, да. А иногда бессонница так насядет, что только чтение и помогает, – разоткровенничался Баранов. – Хорошие у нас книжки пишут, добрые. Правда, всякие встречаются и совсем глупые.

Тут Алексей Павлович пояснил, что встречаются книги, где герои рассуждают и говорят так, как будто сошли с плакатов. А жизнь ведь совсем не такая... Но они, вот писаки-писарчуки, только «ура» и кричат. Но ведь не правильно это и смешно. Не дураки же книги читают.

Илюша внимательно слушал рассуждения старого путевого обходчика. Но и сейчас мальчик старался, пытался самостоятельно думать, рассуждать о смысле жизни. Прислушиваясь к шороху листвы и сонным выкрикам птиц, он сравнивал ровные городские аллеи, подстриженные под одну гребёнку, с тайгой. Получаются, что такие же деревья и кусты, но жизнь у них разная. Совсем иная гармония единства. Природный, естественный лес не сравнить с городскими парками и скверами. Может быть, потому Алексей Павлович часто ходит на рыбалку, да и в лес за грибами. Ведь давно на пенсии... Он видит красоту тайги, понимает суть её и хорошо знает.

Мальчик стал осторожно, как реликтовое растение, разглядывать своего деда Баранова. Худое коричневое лицо, тонкие губы, узкий подбородок, серо-седые волосы на голове, намного потемней усы, тоже смешанные с сединой. И глаза... Большие, бледно-синие, но горящие каким-то внутренним светом. Всё это, вместе с его плавной, далеко не размашистой походкой, говорило о его спокойном, уравновешенном характере. Невозможно было поверить в то, что этот человек лет семь-восемь тому назад ходил на медведя и, что называется, брал его выстрелом почти в упор.

Лариска полусонно, как ночная птица, натыкалась на стволы небольших деревьев, время от времени тёрла глаза ладошкой. Догнав Баранова, которая, на сей раз, плелась сзади, задумчиво спросила у деда:

– А нейтронная бомба, это страшно, да?

Баранов кивнул головой.

– И кому только нужны всякие войны? – Вздохнула девочка, – зачем они?

– Всем тем, Лариса, они нужны, кто хочет поставить нас, советских людей на колени, – сказал Алексей Павлович. – Они мечтают сделать нас своими рабами. Наши недруги совсем не думают о будущем, забыли о природе человеческой, и ради долларов, собственного обогащения способны на любую подлость.

– А есть хорошие американцы? – Спросила она.

– Конечно. Их очень много. Рабочему человеку, к примеру, не нужна никакая война, да и не только рабочему. Есть и среди капиталистов нормально мыслящие люди. Хотя ведь буржуи, всё одно – плохо.

– Дедушка, почему всё так происходит на Земле? – Спросил Илья. – Разве люди не могут договориться друг с другом?

– Правители почти всех стран не желают знать того, о чём и как думают их народы, – пояснил Баранов. – Это величайшее международное преступление. Но мы с тобой, Илья, мужчины и не допустим никакого безобразия на Земле.

Тропинка вывела рыболовов на большую ухабистую лесную дорогу, где стояла новенькая, слегка пропылённая «Волга». Навалившись плечом на кузов машины, стоял верзила и курил сигарету. Другой, поменьше ростом, копался в моторе. Потом они торопливо сели в салон автомобиля. Тявкнул мотор, и машина с места в карьер устремилась к изгибу дороги.

– Не местные, не наши, – заметил Алексей Павлович. – Странно только, почему они с рыбалки в такую рань уезжают. Вроде, с удочками. Значит, не браконьеры.

До озера оставалось каких-то сто метров. Илья давно уже ждал этого момента, и вот они пришли к воде, и совсем скоро будут ловить рыбу. Солнце уже виднелось между стволов деревьев. Подул лёгкий освежающий ветерок, остро пахнувший дымом.

– Ребята, ждите меня здесь! – Заволновался Баранов. – Я сейчас!

Он, бросив рыболовные снасти, опрометью бросился в чащу леса. Минута, две, три – и Баранов выскочил из кустарника:

– Илья! Лариса! Бегите в посёлок! В тайге пожар! Скажите людям, что виновники только что уехали на красной «Волге».

– А номера машины ты не запомнил, дедушка? – Спросил Илья. – Ведь так проще...

– Нет! Не запомнил! Не мог же я заранее знать, что они поджигатели, – ответил Баранов. – Чего же вы стоите, дети? Бегите за подмогой!

– А ты, дедушка? – Сонно спросила Лариска. – Ты не пойдёшь с нами?

С досадой Баранов посмотрел на детей и, наматывая плащ-палатку на руку и прихватив небольшой топорик, кинулся в сторону густого облака дыма.

Дети бежали, выбиваясь из сил, царапая лица о ветки деревьев, не разбирая дороги, попадая то и дело в заросли малинника, не чувствуя ни боли, ни усталости...

Посёлок мобилизовали быстро. Кто в чём, мужчины, женщины, старики, подростки мчались к реке с топорами и лопатами. Кто-то успел предупредить командиров соседствующей с посёлком воинской части... В течение трёх часов пожар был потушен, опасные участки вырублены, выпилены, перекопаны, пропаханы бульдозерами.

Обгоревшее тело Баранова нашли в далеко от того места, где он собирался ловить на удочку рыбу. Он лежал лицом вниз. Лесозаготовитель Василий Голухин с недоумением спрашивал всех:

– Как же это так, братцы, а? Ведь озеро рядом, да и река близко, ведь спастись же мог... запросто.

– Голова ты садовая, – вздохнул шофёр «Зила» Трошин. – Дело то ведь в том, что Алексей Павлович не спасался, не в его правилах. Он с огнём боролся до самого последнего...

– Это правда, Гриша, – согласился с ним Голухин. – Я тоже хорошо Баранова знал. Упёртый старик... был.

– Посмотри вот туда, – показал слегка обожжённой рукой в сторону хвойного леса шофёр. – Видишь, листовенная полоска... Гасил старик огонь плащ-палаткой и рубашкой, и голыми руками наклонял, подминал горящий кустарник к земле, чтобы к листовенницам огонь не пробрался. Потом топориком орудовал. Всё у него получилось.

– Да-а-а, – протянул лесозаготовитель, – огня Алексей Павлович к хвойному лесу не подпустил, стойко держался. Побольше нам бы таких людей, как он, и сейчас, и потом.

Илюша и Лариска, насупившись, стояли поодаль от безжизненного тела своего деда, не решаясь близко подойти к нему. Мгновениями им чудилось, что он спит, а когда проснётся, пойдут они с Алексеем Павловичем, может, не на это озеро, а на другое или на речку. Их здесь много. Забросят ребята удочки, и тогда он доскажет им историю, поведаёт о своём давнем житьё-бытьё.

В полыни

В огороде, прямо у забора росла высокая и густая полынь, выше человеческого роста. Никто её и никогда здесь не вырубал. Не мешала. Наоборот, как бы, закрывала от ветра и солнца небольшой участок, засаженный картофелем. Самые настоящие джунгли, в которых в полном одиночестве Колька любил играть. Там интересно. Легко представить себя охотником или путешественником. Да ведь из стебля полыни и можно сделать длинное копьё и метать его в цель.

У Кольки есть брат Шурка, он намного его старше. Так, видимо, получилось. У тёти Полины, Шуркиной жены – маленькая дочь Лолита. Красивая. Ходит на маленьких ножках по полу и пытит, как паровоз. Каждый шаг ей пока с трудом удаётся. Учится ходить. Ясно, что скоро будет резво бегать.. Но разве Колька не счастливый человек? Правда, нет у него мамки с папкой. Бабушка утверждает, что их никогда и не было, что его Дед Мороз под Новый Год в мешке принёс.

Конечно, Колька понимал, что всё это выдумки, что дети рождаются, и никто их и никуда не приносит. Да и не в какой капусте новорождённых не находят. Им в прошлом году, ещё в третьем классе, учительница об этом говорила.

Они с братом бабушку мамой называют. Слово-то какое мягкое, хорошее – «мама». И страшно порой произнести его вслух потому, что он знал – мамы у него нет. Раньше он считал, что его бабушка совсем и не бабушка, а мать его. Но Шурка объяснил мальчику, что родителей он не имеет. Всякое ведь в жизни бывает, и Колька это понимал. Но, всё-таки, у Шурки он спрашивал:

– А почему их нет? Если ты мне брат, то и у тебя нет родителей тоже.

– Понимаешь, – смутился Шурка и, не задумываясь, сказал. – У меня тоже не имеется ни мамки, ни папки.

Ему-то, Кольке, что? Он маленький. Не видел никогда ни матери, ни отца. А вот его старший брат, наверное, видел, и ему грустно без них.

– Шур, а Шур, – не однажды задавал ему Колька вопрос, – а какие они были? Хорошие?

– Хорошие, хорошие, – нервничал брат. – Отстань!

– Они умерли, да?

– С чего ты взял?! – Орал Шурка, выдавая ему крепкий подзатыльник. – Мелешь всякую чушь!

Младший на старшего не обижался. Только отходил в сторонку и вздыхал. Потом играл с Лолитой её игрушками. Чаще всего помогал ей раскладывать кубики, строить «дома». Она почти всегда ничего не понимала, совсем не смысленный ребёнок ещё. Злилась, разбрасывая кубики по всей комнате.

Деда Колька папой не называл. Хотя тот был добрым стариком, но при слове «папа» чертыхался, орал так, что перепонки трещали в ушах. Задевало его это, что ли? Но зато, когда они с Колькой ходили рыбу удить, дед забывал про всё и про всех. Не до рыбы было. Он мальчика и целовал, и конфетами кормил и, когда выпивал, прямо тут, на берегу небольшого озера стакан вина, плакал, как ребёнок.

– Дед Борис, ты чего плачешь? – Спрашивал его внук. – Рыба не ловится, да?

– Не ловится, маленький, не ловится, – всхлипывал старик, – ой, не ловится!

«Странные все какие-то, – удивлялся Колька, – и Шурка, и маленькая дочь его Лолита, бабушка Варвара и дедушка Борис. Хмурые какие-то, чем-то всегда не довольные». Только Полина постоянно была весела, и любил её больше собственной жизни Шурка. Только вот бабке и деду она совсем не нравилось.

К Полине часто, по-очереди, приходили её бывшие школьные товарищи. Один – офицер с красными погонами, другой – шофёр из МТС. Когда кто-нибудь из них появлялся, Шурка уходил из дома, психовал, нервничал. Наверное, потому, что у Шурки никогда не было друзей.

Никто, почему-то, с ним особо не желал общаться. Была ему верным другом собака лайка Найда, и ту ведь он то ли от злости, то ли ошибочно застрелил на охоте.

Колька чаще всего любил играть один. Заберётся в густую полынь у забора, сложит руки биноклем и смотрит вдаль. Ему кажется, что он отважный путешественник и перед ним – просторы всей Земли.

«Вырасту большой, – мечтал он, – надену сапоги-болотники, точно такие, как у деда, и пойду счастье искать». А счастье его было простым, непритязательным, человеческим. Обязательно найдёт он мамку с папкой и скажет: «Как мне плохо без вас».

«Старший брат Шурка обижает? – Сурово спросит его отец».

«Нет, не обижает, – солжёт Колька, – ничуть не обижает, даже по голове не бьёт. Он тоже вас по свету белому ищет».

Вот и сейчас Колька стоял на самом краю полынного островка, сжимая в руке пику, сделанную из стебля этой горькой травы. Он сосредоточенно и увлечённо разил незримого недруга. Ему даже кажется, что этот невидимка виновен в том, что у его одноклассников есть родители, а вот у Кольки их нет. Правда, есть бабушка и дедушка, да старший брат Шурка. Ещё и Лолита. Полина на него не обращала на него никакого внимания, словно Колька, вообще, не существует в природе.

Мальчик играл в полыни и одновременно слышал, как соседка тётя Дуся, что-то нараспев, но, почему-то, гневно говорила его бабушке, упоминала его имя. Может быть, тётя Дуся думает, что вчера в обед он окно в сельской бане разбил. Нет, не он. Это Ромка с друзьями, они в футбол играли. Колька об этом никому не скажет, никому-никому. А сам он стекло не мог высадить, ведь его ребята не приглашают в свою компанию. Он не только один во дворе, но и в школе. Его однажды Желток, как звали заводилу среди детей и подростков всего села Гошку Желткова, назвал подкидышем.

Старший брат Шурка случайно всё видел и слышал, но не заступился даже. А только немного расстроился. Отправился сразу от школьного двора домой, наверное, кабанов кормить. Ох, как Шурка любит свиней своих! У одного за ухом почешет, другого – погладит. Свины ему в ответ только «хрю» да «хрю». Почему бы Шурке, хотя бы, один разочек ни почесать бы за ухом у Кольки, ни приласкать?

– Ироды! – Уже кричала, не говорила тётя Дуся. – Креста на вас нет! Как же вам не стыдно? Мальца совсем дикарём сделали...

Колька прислушался, его бабушка молчала. Он хотел выскочить из зарослей полыни и вцепиться пальцами в подол соседки и закричать во весь голос: «Нет!!! Бабушка не ирод, а сами вы – иродиха!». Но что-то его удержало. Мальчик прислушался.

– Ты-то, Варя, не причём. Я понимаю, – почти успокоилась тётя Дуся. – Ты – мать, всё тут ясно. Сына тебе жаль.

«Какого сына? – Билось в голове у Кольки. – Чья мать?».

– Неужели Колька не догадывается, что Александр не брат ему, родной отец? – Продолжала соседка. – И вы все молчите, как хрен проглотили.

Колька зашёл дальше, в полынную «рощу». Все хорошо было слышно и отсюда. Он облокотился на широкую спину ограды, сдирая прохладные стебельки с одной из веток полыни, высокой травы. Оказывается, и мамка у него есть, и отец. Она бросила Шурку и заодно совсем ещё маленького Кольку, уехала с каким-то мужиком в Молдавию, в город Фалешты. Не понравился, видать, его мамке характер Шуркин. Вот она и уехала с рабочим винодельческого завода на свою родину. А потом, как сказала бабушка Кольки, его мать, которую звали Раиса, умчалась куда-то, на Север, с бульдозеристом. Получается, что это не так давно и было.

Оставила она на веки вечные своего сына на попечение бывшей свекрови, не пожелала возвращаться к Шурке. Но Колька-то причём? А ведь она, как и Шурку, его тоже... бросила. Забыла о нём? Неужели, правда, забыла? Не могла забыть. Она же мать...

А Шуркина новая жена Полина, оказывается, что муж-то её нынешний сына имеет или делает вид, что не знает. Ей, наверное, так проще жить. Шурка от Полины факт этот скрыл, чтобы и Полина от него не ушла, как та первая, родная мать Кольки Раиса.

Одеревенели скулы мальчика, и слёз на глазах не было. Вернее, они были, но не на лице, а там, внутри. Они даже душили его, сжимали горло. Не час прошёл, не два с момента случайно им подслушанного разговора, а, как будто, вечность. Почудилось ему, что вся его невеликая детская жизнь прошла и даже та, которая ждёт его впереди.

Услышал он из полыни за оградой среди кудяхтанья кур весёлый смех Полины и басистый смех своего старшего... брата Шурки.

«Папка! – Захотелось закричать мальчику, родной, милый! Я здесь, в полыни!!!». Но вместо этого он сжался в комок, схватился своими маленьким руками за высокий стебель. Колька вцепился зубами в горькую мякоть на всю округу сильно ипряно пахнувшей травы. В потоке теперь уже нахлынувших и на глаза предательских слёз трава-полынь, единственный, по сути, его дом и убежище, не показалась ему горькой.

Останови мой поезд!

Это была не ссора. Скорее, тот момент, который умудрённые жизненным опытом люди называют не наивысшей точкой напряжения, а всплеском необоснованного, по-детски, наивного упрямства, ещё непонятной обиды. Юлии, юной жене Игоря, не нравилась профессия мужа. Что говорить, машинисту электровоза постоянно приходится бывать в поездках. Часто он не ночует дома, поезди за поездками. Умом она это постигала. Но настолько была привязана к мужу, что даже краткие разлуки портили ей настроение и даже иногда вгоняли в тоску.

– Мне страшно и скучно по ночам одной, – жаловалась ему Юля, переводя стрелки будильника. – Всякие ужасы про тебя снятся: то ты бежал по шпалам и на стрелку налетел, то твой электровоз вместе с вагонами с рельсов сошёл и начал на бок заваливаться...

– А ты знаешь, Юля, что делать? – Шутиливо спросил он, снимая с себя железнодорожную форменку. – Ведь всё просто.

– Что делать? – Прошептала жена. – Что?

Она слегка приподнялась на цыпочках. Он погладил Юлию по голове, по мягким светлым волосам. Потом едва заметно отстранился от жены, взял из её рук будильник, поставил на стол.

– Подожди! Дай мне раздеться, умыться, привести себя в порядок, – сказал он, – и я тебе расскажу, что надо делать в таких случаях.

Она быстро подала завтрак на стол.

– Вот, допустим, – рассуждал он, – я сейчас ем котлеты, совершенно, безвкусные, недожаренные... Нет, ты на меня не обижайся. Это пример.

– Я старалась, Игорь...

– Неважно. Есть ведь, всё равно, что-то надо.

Он многозначительно медленно жевал, делал вид, что ест ради приличия. Строил из себя, как и сам понимал, шута горохового, хотя после ночной поездки был голоден, как волк. И она знала, что подай ему сейчас кирпич под майонезом, всё равно, съест, не заметит. Поэтому Юлия почти перестала обижаться на шутки подобного рода.

Но Игорь всё рассуждал. Глаза его слипались, а он не торопился выходить из-за стола:

– Ничего не попишешь, не буду есть, значит, голодным останусь... А у тебя – сон, глупенькая, сон... Следующий раз, когда увидишь аварию на железной дороге таким же образом, во сне, возьми и останови мой поезд.

– Как остановить? – Начала уже по-настоящему обижаться, реагировать на его шутки Юля. – Что говоришь-то?

– А так. Руку вперёд вытяни, почти электровозу... в лоб, и скажи? «Стоп, машина!». И она...

Юлия выронила из рук тарелку, и та, прокатившись по оранжевому махровому паласу, издала глухой звук.

– Не разбилась, – заметил Игорь, – значит, к неприятности.

– Значит, так, – согласилась мужем Юля. – Наверное, так всё и произойдёт.

Она отправилась в спальную комнату, приготовить ему постель.

Засыпая, Игорь раскаивался, что перегнул немного с шутками, переиграл на Юлькиной наивности, на её терпении. «Чудная какая-то, я ей несерьёзно говорю, плавало у него в голове. – Она всё за чистую монету принимает. Проснусь, тогда объясню, что виноват».

...Познакомились они не на танцах, не в кино, не в ресторане, а на одном разъезде, где жил Юлия со своей матерью, в посёлке путевых обходчиков.

При первом же знакомстве она рассказала ему о себе... Отец Юлии, кормилец их, Одарков лет десять тому назад ушёл в тайгу, да так и не вернулся. Корень целебный для дочки от простуды отправился искать и пропал. Тайга большая, законы у неё свои, жёсткие, да и беззакония предостаточно. Чуть-чуть не поймёшь её характера – жди беды. А придёт она – ищи-свищи, не найдёшь в потайных зелёных «шатрах» потерянного человека. Так бывает... часто.

Погоревала вдова его, Мария Львовна, погоревала, да что сделаешь, жить-то, как-то, надо. Решила она на хлеб насущный деньги сама зарабатывать, дочь малую на ноги поднимать. Неплохо было бы, конечно, дело мужа продолжать, обходить вверенный ей участок железнодорожного пути, смотреть, где какие неисправности, неполадки...

Говорили ей мужики местные, но сочувственно, без ехидства, что куда, мол, бабе-то с большим дряхлым сердцем такое дело. Свалится где-нибудь, под откос, а потом ищи её.

– На уступки мы тебе пошли, Мария, – напористо уговаривал её бригадир путевых обходчиков Головин, – сделали все бумажки медицинские и прочие. Так ты сама пойми, что это всё с большими... допусками. Откажись от такой профессии. Лучше иди торговать в киоск. Не хочешь? А зря! Мы ведь тебе всегда во всём поможем.

– Да справлюсь я со всем, – уверяла Мария. – Всё старание приложу.

– А если пути замочет, что делать станешь? – Продолжал Головин. – Тонуть начнёшь, да? Озеро здесь игривое, с рекой связано. Два часа пройдёт – и на аршин вода поднимется.

Молчала она. Возразить на такие аргументы ей было почти нечего. Хотя насчёт медицинской комиссии Головин был не прав, намёки несправедливые делал. Ведь прошла её Мария Львовна без чьей-либо помощи, и там, на бумаге, по общему обследованию её физического состояния чётко и ясно написано – «годен». Пусть это чудеса, но ведь и они иногда случаются в жизни. Так и стала Мария Одаркова путевым обходчиком.

Знакомство Игоря и Юлии произошло, когда, вместо приболевшей матери, девушка производила обход участка. На перегоне, в ожидании встречного поезда, из кабины электровоза он и увидел свою будущую жену и сказал ей:

– Ну-ка, девочка, марш домой! Нечего по путям бегать! Лучше уроки повтори.

– Я, между прочим, – осадила его Юлия, – студентка педагогического института.

Это сообщение его сходу ошарашило и очень удивило. Ведь хрупкая, маленькая, на вид лет четырнадцати, ни в коем случае не больше. Потом он, всё-таки, спросил, что она делает на перегоне. Она ответила и доверительно очень кратко и быстро рассказала ему свою семейную историю. А через месяц, с небольшим, они поженились.

Проснулся Игорь в бодром настроении, которое испортилось тут же, почти мгновенно, когда он увидел среди аккуратно разложенных книг записку. Знакомый почерк, крупные длинные, «худые» буквы, неторопливо выведенные Юлией, не кричали, а казалось, спокойно и рас-

судительно говорили: «Уехала к маме. Необходимо всё взвесить. Понимаешь? Я чувствую, что тебе не нужна».

– Глупая девчонка! Ей характер показывать, – раздражено, на всю комнату, через гнетущую тишину, высказался Игорь, – а мне, понимаешь, уже завтра отправляться в поездку!

Он минут десять послонялся по опустевшей квартире, перекладывая вещи с места на место, ступая медленно, осторожно. Игорь, будто заново учился ходить, ощущая образовавшуюся пустоту своего личного мира. И потом решил, что через двое суток поедет к её матери и заберёт жену домой, да и заодно Марию Львовну навестит. А там всё снова пойдёт на лад. Ведь они любят друг друга, это ясно, как день.

Время медленно утонуло в остатках дня и короткой летней ночи. Собрал в чемоданчик съестное. На сей раз это был сухой паёк: банка с мясными консервами, шмат колбасы, четыре варёных яйца и хлеб. Игорь выставил на стол пустой дорожный термос.

По рации дежурный по станции передал, что двигаться его железнодорожному составу надо медленно – наводнение начинается, вода к самым рельсам подступает. Но опасности особой нет. Рельсы к шпалам надёжно прикреплены. Пожелал он счастливого пути локомотивной бригаде. Воспринимая всё это более, чем равнодушно, он думал: «Интересно, чем сейчас моя жена занимается. Неужели ей не тоскливо без меня?».

Но Юлия тем временем шагала в резиновых сапогах по мокрым шпалам до соседнего переезда, решив немного помочь матери и обойти вверенный из поколения в поколение Одарковым участок железнодорожного полотна, не большой и не малый – в двенадцать километров длиной.

Как и в прежние, не в такие уж и давние, времена, ей по дороге не пелось, не хотелось петь. Скучен и неинтересен был путь по шпалам, знакомый ей с детства. Уныло смотрелись и тальники, прочти по самую макушку утонувшие в грязной июньской воде и обступившие насыпь с обеих сторон. Не радовал её и даже раздражал вид смешных двух бурых лягушат.

«Ребёнка ему надо было родить, – подумала она, – девочку, а может быть, мальчика, всё равно. Тогда бы не придирался ко мне по пустякам и не шутил топорно».

Одна из шпал едва уловимо качнулась под её ногами. Юлия подпрыгнула на ней, и рельс чуть прогнулся. Второпях она сбегала по насыпи вниз, черпая голяшками высоких сапок холодную до боли суставов воду. «Подмыло путь, – мгновенно осенило её. – Хитрющая вода. Сама далеко от рельсов, а вот основу насыпи разнесла. И всё шито-крыто».

Услышав гудок электровоза, похожий на крик изюбра, она присела на рельс. Быстро сняла сапоги и поочередно вылила из них воду. Встала. Надела их. Потом, сорвав с головы лёгкую бордовую косынку с крупными белыми горошинами, побежала навстречу этому звуку.

Юлия задыхалась от сырого потока воздуха, насыщенного влагой, которая, казалась, завладела всем миром. Лёгкие не вмещали такого количество кислорода. Ей чудилось, что они вот-вот лопнут, как воздушные шарики или становится сердце от стремительного бега.

Из-за поворота, из-за небольшой и редкой берёзовой рощи, вынырнул локомотив, громяхая тяжёлыми пассажирскими вагонами, точнее, их стальными колёсами на рельсовых стыках. «Там же люди – люди – люди!!! – Кричало в её мозгу, – пассажиры, бригада!».

Размахивая над головой цветистой косынкой, спотыкаясь, она бежала навстречу составу. Уже слышала, как скрипят тормоза.

– Это же Юля! – Узнал жену Игорь. – Толик, она не успеет сойти с пути...

– Не волнуйся, Игорь, – успокаивал его товарищ и подчинённый. – Она успеет...

Прекрасно Юля знала, что тормозной путь такого состава составляет примерно триста метров. Бегущая споткнулась о край слегка искривлённой, выпученной шпалы и упала. Десятая доля секунды ей показалась вечностью, и она изо всех сил, в лежачем положении, рванулась в сторону от опасного места. Скатилась по насыпи вниз. Прямо в воду.

Медленно, где-то, рядом, показалось, что над головой прогрохотал поезд и остановился. Молодой машинист зажал уши обеими ладонями. Боялся, что в мозг ворвётся зловещая тишина. Он безвольно уткнулся в наполовину распахнутую створку бокового окна.

Игорь не решался встать, не мог преодолеть этой великой робости. Ему хотелось забиться в угол и замереть. Но, всё же, через полминуты он встал на ноги, спустился по лестнице на мокрую землю и медленно побрёл к месту происшествия. Его помощник выскочил из кабины тепловоза ещё до полной остановки поезда.

Прямо к нему со стороны хвоста состава шли Толик и... Юля. Он не побежал к ней навстречу, поэтому шёл медленно, как тяжёлый водолаз по незнакомому илистому морскому дну.

– Ты что?! – В сердцах закричал Игорь на неё, притягивая к себе. – Что ты делаешь со мной? Зачем?

– Я пришла остановить в трудную минуту твой поезд, – сказала Юля, поглаживая его рукой по волосам, по знакомым, дорогим, русым, холодным и уже немного седым. – Там, впереди, подмыло путь. Рельс на двух шпалах держится.

– Ты даже не представляешь, как я тебя люблю, – признался он ей, как полтора месяца тому назад, – за несколько дней перед свадьбой.

– И я, – ответила она и покорно, и кротко поплелась за ним в кабину тепловоза. – Очень люблю.

Толик курил, вытирая пальцами глаза от набежавшей влаги. Слишком едким показался ему ранее привычный сигаретный дым. Потом спокойно прошёл мимо высунувшихся из окон вагонов пассажиров, не отвечая на их вопросы, как будто вокруг никого и не было.

На светлой стороне

Поезд дёрнуло так, что арбуз, долго и утомительно катавшийся по третьей полке, упал вниз, ударился о коленку Шевцова и вдребезги разбился. Старик, сосед по купе, досадливо сказал:

– Мать честная! Я о нём совсем забыл.

Шевцов машинально поглаживал ушибленную ногу. Попутчик посочувствовал:

– Болит, небось? Хорошо, что не по шарабану, а то бы...

– Граждане пассажиры! Будьте осторожны! – Прозвучал со станции громкий женский голос через мощные динамики-колокола. – Со второй платформы отправляется поезд...

Этот старик подсел в его двухместное купе несколько часов назад, в Хабаровске. Вообще, ехал он из Казахстана, но останавливался на пару дней у родственников. А куда ему торопиться? Так потихоньку и доедет до дома.

Пассажирский состав качнулся, скрипнул колёсами. За стеной купе заплакал ребёнок, и Шевцов искоса посмотрел на третью полку.

– Не бойся, парень! – Успокоил его старик, собирая с полу остатки арбуза. – Там только один был, казахстанский. Катался себе и потом на тебя грохнулся.

– Да вся жизнь такая, – пошутил Шевцов, – если что-то тяжёлое сверху падает, то, обязательно, на меня. А ведь вокруг много других людей. Они ведь тоже имеет право испытать... удовольствие.

– Не хорошо так говорить. Впрочем, никто толком и не знает, что хорошо, а что плохо. А ты куда, парень, едешь? В Комсомольск-на-Амуре?

– Подальше немного. В посёлок Уктур. Новый леспромхоз буду там строить. Это где-то не доезжая до Советской Гавани.

– Деньгу длинную, видать, заработать решил?

Старик добродушно прищурил левый глаз, и синяя родинка на его морщинистом лбу, похожая на круглую горошину, показалась во всю величину. «Чтоб она у тебя отвалилась, – подумал Сергей. – Какой болтливый дед».

Разговор их не клеился, да и не до бесед было Шевцову. То ли дорога утомила, то ли началась внезапная тоска по дому, по родному Саратову, большому, но уютному, как дубовая роща. «Не рано ли поближе к мамкиной юбке запросился, – мысленно осадил сам себя Сергей. – Ишь, ты, друг! Ещё и до Уктура не доехал, а уже в ностальгию впал».

Если бы сейчас во всём многометровом поезде нашлась хоть одна душа и сказала: «Слушай, Сергей, брось хандрить! Посмотри, в вагонное окно! Видишь, как светло вон на той стороне».

«А за сопками?»

«За сопками ещё светлее, – не унималась воображаемая чуткая душа. – Там светлее оттого, что молодёжь со всей страны приехала строить...».

«Что строить? Леспромхоз?».

«Неважно, что, леспромхоз, дорогу или новую магистраль. Главное – построить и, значит, жить».

– Получается, жить я буду на светлой стороне? – Вслух произнёс Шевцов. – Тогда... нормально.

Старик, сосед по купе, уже не мечтавший получить ответа на заданный им вопрос насчёт желания Сергея заработать большие деньги, оживился, заёрзал, запыхтел. Он уже не казался Шевцову таким плохим, как сначала.

– Нуда, места под Комсомольском све-е-е-тлые, протянул попутчик. – Хорошие, солнечные места. Я, бывало, возьму ружьишко и...

Что следовало за этим «и» осталось тайной для Сергея. Океан воспоминаний, ничего не подлаешь. А старик не унимался, что-то бормотал, теребя себя пальцами за нижнюю губу. Он временами жестикулировал и закрывал глаза. Забравшись на вторую полку, Шевцов решил немного вздремнуть. Расслабился и уже не понимал, снится ли ему Саратов или он его просто вспоминает.

Но ведь часто случается и так. Приляжешь, почешешь в затылке, а вспоминать почти и нечего. Ничего, оказывается, такого особенного не происходило потому, что почти и не жил на свете, молод, и биографии, по сути, никакой нет.

Вот ему и Ленка, его бывшая супруга, так сказать, именно, бывшая теперь, к счастью или несчастью, он не знал, но она сказала, когда Сергей схватился за ручку своего небольшого чемодана:

– Радуюсь за тебя, Сергунчик! Теперь ты на Дальний Восток поедешь за длинным рублём и огромным личным счастьем. Жизнь-то я тебе, вроде, испортила. Но ты уж будь любезен, назад не возвращайся.

Он теперь и не собирался этого делать. Не мог ведь Шевцов прощать её женские «ошибки». А их ведь много. Одна – белобрысый офицер, другая работник культуры, третья... Противно вспоминать. А ведь, наверняка, основное покрыто тайной. Но сейчас его это не волновало. Почти не тревожило.

– Парень, тебе, вроде, я слышал в Комсомольске не вылазить? – Спросил старик. – Это я вот с пересадками, да остановками. Всё родственников навещал... Или вылазить?

– Не вылазить, не вылазить, – беззлобно передразнил его Сергей, – и не выходить. Так вот и буду пока лежать на своей полке.

– Тогда, бывай! За арбуз уж извини. Счастливо доберётся!

Дед крикнул, надевая на плечи загруженный рюкзак, и потащился к выходу.

«Зря я с ним так, – расстроился Сергей. – Он-то причём, если у меня в жизни такая оказия?».

– Скажите, пожалуйста, – раздалось в купе, снизу, – здесь восемнадцатое место!

– А где ж ему быть? – Сергей приподнялся на локтях, чтобы разглядеть обладателя хрустального голоса. – Внизу оно.

Девушка поставила у ног небольшой чемоданчик, села, достала из тряпичной сумки выдавшую виды книгу и стала читать. Шевцов, в свою очередь, ловко спрыгнул с полки, нащупал в своей сумке увесистый свёрток, достал кусок уже порезанного сала с ладонь величиной и горбушку чёрного хлеба. Деловито предложил юной попутчице:

– Будешь? Мамка солила.

– Что вы? Сало? Спасибо, не хочу.

– Как знаешь, – шелестя бумагой, сказал он и, пожевав с минуту, деловито спросил. – А что это тебя никто не провожает?

– Некому меня провожать, – улыбнулась девушка. – Не обзавелась пока провожатыми.

«Такую красивую и провожает некому? – Удивился Шевцов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.